

Платон и платоноведение

Роман Светлов, Ирина Протопопова

Исследование Платоновского наследия в России: история, современность, перспективы*

ROMAN SVETLOV, IRINA PROTOPOPOVA

AN OVERVIEW OF PLATO'S LEGACY IN RUSSIA: PAST, PRESENT, AND PROSPECTS

ABSTRACT. The article offers an overview of the studies dedicated to Plato's legacy in Russian culture and humanities. The well-known concept of Platonic-Byzantine roots of Russian intellectual and spiritual culture is analyzed. Attention is paid to the 'discovery of Plato' in Russia in the XVIII–XIX centuries, and the history of translations of Platonic corpus into Russian. The authors also review the vicissitudes of studies of Plato's legacy and assessments of Plato's philosophy in the Soviet period. But primarily, the article focuses on the current state of the 'Platonic question'. The main approaches and trends which started emerging in the 1980s, as well as new ones, especially characteristic of the 2010s, are analyzed. The article describes the history of institutionalization of these studies in Russia in academic, educational, publishing, and social contexts. It is shown how the traditional analysis of Plato's teaching (the so-called 'development approach') is evaluated and used in Russian humanities, and what role the Tübingen assessment of Plato's 'unwritten philosophy' has played. The authors mention the growing influence of the 'analytical approach' to Platonic texts and outline the specifics of the 'analytical history of philosophy' in Russia. Special attention is paid to the formation in Russian humanities of the 'institutional approach'

© Р.В. Светлов (Санкт-Петербург, Новгород). spatha@mail.ru. Институт философии Российского государственного педагогического университета. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный ун-т.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 13.2 (2020) DOI: 10.25985/Pl.13.2.01

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50338.

and to the expanding influence of the ‘dramatic’ reading of Plato’s texts — not only in the context of metaphysics but also in connection with the philosophy of politics, the philosophy of mathematics.

KEYWORDS: Platonic studies in Russia, methodology of humanitarian research, analytical approach, institutional approach, dramatic approach.

В настоящем обзоре мы не сможем сколь-либо подробно проанализировать *всю* историю усвоения и изучения наследия Платона в России. Даже несмотря на тот факт, что основное внимание будет уделено посвященным Платону работам, которые публиковались за последние три десятилетия уже в постсоветской России, авторам понятно, что они не в силах объять необъятного, а потому исследование состояния современного платоноведения остается *work in progress*. Мы постараемся дать описание его наиболее важных, на наш взгляд, тенденций, а также попытаемся понять, в каких методологических направлениях оно развивается.

Для рецепции идей Платона и платонизма в России важным моментом является формирование знаменитой концепции «платоно-византийских» корней российской культуры. Эта концепция сама оказала определяющее воздействие на развитие российского общества, вызвав в XIX веке взрывной интерес ко всему, что связано с Платоном. Нет сомнений, что Платон был известен книжникам и церковным деятелям ранней (Киевской) Руси, как и Руси Московской. Однако это было знание фрагментарное. Платон воспринимался как один из древних мудрецов-праведников, свидетельствовавших о будущем пришествии Христа, а не как автор доктрин, которые как-то повлияли на христианское богословие. Безусловно, воздействие платоновских идей имело место, но не напрямую, а опосредованно — через тот же ареопагитический корпус, оказавший влияние на «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, «Богословие» Иоанна Дамаскина и другие труды, ставшие известными древнерусским церковным интеллектуалам.

Изучение того, как платоновская традиция проявляла себя в средневековой Руси, активно возобновляется в последние десятилетия, свидетельством чему стали защиты нескольких дис-

сертаций¹. Довольно часто представления XIX столетия о платоно-византийских корнях российской культуры получают поддержку у отечественных исследователей. Вот что пишет в своей диссертации О.Б. Ионайтис: «Влияние неоплатонизма на формирование и развитие отечественного философствования осуществлялось в масштабе всего объема воздействия византийской культуры на русскую, а также всего спектра влияния византийской философской мысли на русскую, в том числе — через посредничество славянского мира»².

Схожую позицию можно увидеть у таких известных исследователей, как А.И. Абрамов и В.В. Мильков³. Один из авторов данной статьи в свое время также принимал тезис о «византийском платонизме» русской культуры и цивилизации как вполне естественный⁴.

Им противостоит тенденция снижать влияние теоретических сторон платоновского и неоплатонического учения на раннерусскую мысль. Наиболее яркой здесь является позиция украинского исследователя А.Г. Тихолаза, стремившегося доказать, что средневековая Русь усвоила от христианского неоплатонизма совсем не его доктринальное содержание, а лишь практику «молчания», которая привела к «культурной немоте» России на многие столетия ее истории, когда «русские отцы», отринув диалектику, катафатику и все остальное, попытались непосредственно погрузиться в «Божественный мрак». Приведем наиболее яркую цитату из Тихолаза: «Дионисий Ареопагит еще не родившуюся русскую мысль контузил, Григорий Палама — добил»⁵. Публицистический тон этих слов очевиден; нет никакого сомнения, что попытка объявить русскую культуру допетровских (точнее даже — доекатерининских) времен обреченной на немоту по причине влияния на нее ареопагитического неоплатонизма, выгля-

¹ См., например, Ионайтис 2003; Ламакина 2004.

² Ионайтис 2003: 360.

³ См. Абрамов 2002: 63–76; Абрамов 1997: 130–140; Мильков 2002: 9–34.

⁴ Светлов 2001: 8–18.

⁵ Тихолаз 2003: 52–53.

дит неудачной — как с точки зрения описания самой культуры Киевской и Московской Руси, так и с точки зрения выбора причин специфики ее не-теоретичности.

Е.И. Мирошниченко констатирует, что древнерусскому книжнику Платон был знаком, но не интересен⁶. Интерес этот возникает, лишь когда в России возникает вкус к рациональному мышлению — то есть в XVIII столетии.

Достаточно часто эти позиции пытаются как-то синтезировать. Как пример такого синтеза можно взять точку зрения протоиерея Сергея Шкуро, который, соглашаясь с тем, что серьезная философская рефлексия в России по поводу доктрин Платона начинается только со времен Григория Сковороды, все-таки отмечает, что богословские концепции, перенятые из Византии отечественными интеллектуалами-книжниками, имели очевидную платоническую подоплеку. И «все богословские сочинения, гимнографические и агиографические тексты, созданные на Руси, так или иначе несут на себе след греко-византийского платонизма, даже если их авторы не читали ни Платона, ни Прокла, ни Дионисия»⁷. Не вступая в полемику по поводу того, что конкретно в византийском богословии связано с Платоном, что — с Аристотелем, а что — с той амальгамой Платона и Аристотеля, которой выступил неоплатонизм, все-таки отметим: такое рассмотрение воздействия Платона на древнерусскую и «московскую» образованность может быть вполне продуктивным, — но при четком понимании того, какие идеи в реальности выражали древнерусские тексты, при ясном различении рациональной теологии Платона и богословских концепций византийских и болгарских учителей Руси.

В XVIII столетии Платон становится предметом вполне осознанного интереса — об одном из столпов европейской рациональности, Г. Сковороде, мы уже упоминали; князь Михаил Щербатов подражает «Федону», доказывая бессмертие души⁸, при

⁶ Мирошниченко 2013: 24; ср. также Шахматов 1930: 67–68.

⁷ Шкуро 2015: 125–143, 131.

⁸ Артемьева 1996: 65–74.

Екатерине Великой большая часть диалогов Платона переводится на русский (хотя этот перевод в какой-то момент был остановлен). Анализ переводов И.И. Сидоровского и М.С. Пахомова дан в статье Вяч. Вс. Иванова «Архаизм и новаторство в практике первых русских переводов Платона»⁹. Отдельно, видимо, следует отдать дань просвещенческим идеям русских масонов (например, круга Новикова), которые толковали творчество Платона как квинтэссенцию «вечной философии». Распространение университетского образования, как и реформы духовных школ в XVIII – начале XIX века также стимулировали интерес к Платону — уже хотя бы потому, что изучение его текстов и идей играло важную роль в высшем европейском образовании, особенно гуманитарного плана.

Однако более решительная ориентация на Платона была связана с формированием новых историософских представлений о судьбах России, сменивших идеи XVIII столетия, истоком которых стало знаменитое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева. Развернувшаяся полемика о предназначении России и ее месте в мировой истории привела к самым разным вариантам ответа на эти вопросы («западники» и «славянофилы» — наиболее известные варианты таких ответов), один из которых привязывал прошлое Руси к Византии, византийскую же культуру и духовность — к Платону. Этот процесс очень хорошо исследован и задокументирован. Среди последних работ, помимо указанных трудов Тихолаза, Мирошниченко, Милькова, Абрамова, Шкуро и многих других, хотелось бы отметить небольшую, но важную статью Ю.Б. Тихеева «Платон в среде московских любомудров»¹⁰, где, с одной стороны, показано, что истоком для формирования традиции «Русского Платона» стало возникновение в Европе нового научного взгляда на основателя Академии, с другой же — то, насколько порой специфически знание о Платоне и платонизме становилось достоянием русской интеллектуальной культуры.

⁹ Иванов 2012.

¹⁰ Тихеев 2011: 131–139.

Тем не менее, процесс этот к середине XIX столетия был запущен. Публикация блестящих для того времени переводов «Разговоров Платона», выполненных В.Н. Карповым, стало важнейшим шагом к научно-академическому изучению наследия античного философа. Вторая волна переводов платоновских диалогов начинается в конце XIX века. Учебники по истории философии, конечно же зависимые от европейской историко-философской науки, вслед за Гегелем (преимущественно) уделяли Платону повышенное внимание. Критикуемый представителями демократической мысли (ср., например, «Идеализм Платона» Д.С. Писарева), большинством отечественных Любомудров он все-таки воспринимается как мощнейший исток философии и науки. Можно выделить три основных типа немецкого прочтения Платона и платонизма, влиявших на российских мыслителей и историков: кантовское, гегелевское и шеллингианское (имеется в виду особенно поздний Шеллинг), без которых мы не увидели бы ярких проявлений платонических концепций в учениях П. Юркевича, В. Соловьева, С. Трубецкого и других. Очевидно, что особенно в шеллингианском варианте платонизма большую роль играло смешение собственно наследия Платона и его неоплатонических истолкований. Впрочем, несмотря на устоявшееся в XIX столетии выделение неоплатонизма в отдельный период истории академической мысли, это было распространенным для того времени явлением.

Значение Платона особенно подчеркивалось сторонниками идеализма, в первую очередь теми, кто считал, что именно идеализм характерен для российской философской культуры. Так, Н.Я. Грот пишет, что учение Платона «неизбежно должно будет найти надлежащую оценку в судьбах будущего идеализма, в особенности в русской философии, которая наиболее чужда веками сложившимся и тормозящим дальнейшее развитие идеализма предрассудкам философии западноевропейской»¹¹.

С другой стороны, жизнь и учение Платона воспринимались еще и как пример подлинного философского поиска, драматиче-

¹¹ Грот 1896: 185.

ского, а порой и трагического по своему характеру. Именно поэтому идея «жизненной драмы Платона», столь ярко высказанная В. Соловьевым, видна и у других отечественных философских писателей — не только дореволюционных, но и советских (прежде всего, конечно, А.Ф. Лосева).

Впрочем, в советское время становление отечественной науки о Платоне претерпело серьезный кризис. Как часто бывает в истории, требование разрушить все прошлое научное и культурное наследие «до основания» привело к определенному кризису «классической» гуманитаристики. Известно, что после 1932 года чтение и изучение Платона, как и других мыслителей «идеалистов», было ограничено. К нему могли обращаться лишь в академических институтах. Вместе с тем, в 1920–1930 годы мы видим попытки переосмыслить античное наследие, в том числе наследие Платона: в 1923–1929 годах выходят отдельные тома так и не завершенного проекта переводов полного собрания текстов Платона под руководством С.А. Жебелева¹², в 1920–1930-х пишет свои знаменитые сочинения Лосев¹³, чья интерпретация наследия Платона, безусловно, требует отдельного большого исследования. Конечно, в «официальной» истории философии Платон обычно трактовался как основатель идеализма, противник научного взгляда на мир (последний приписывался, разумеется, Демокриту и атомистической традиции, в меньшей степени — Аристотелю). Как утверждалось, единственным важным положительным моментом в платоновских текстах была разработка диалектического метода¹⁴. Хрущевская «оттепель» привнесла постепенные изменения в отношении к Платону, что сопровождалось новой попыткой осмыслить его наследие¹⁵. Итогом этого процесса, занявшего более полутора десятилетий, стало классическое издание сочинений Платона под редакцией А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса¹⁶. Можно с уверенностью утверждать, что именно это издание

¹² Жебелев 1923–1929.

¹³ См., напр., Лосев 1990, Лосев 1991, Лосев 1993ab, Лосев 1994.

¹⁴ Сережников 1936: 6.

¹⁵ Ср. Незеркотт 2011: 158–169.

¹⁶ Лосев, Асмус 1968–1972.

стало истоком новой волны интереса к Платону и платонизму, одним из ярких проявлений которого можно считать издание сборника «Платон и его эпоха» под редакцией Ф.Х. Кессиди, посвященного 2400-летию со дня рождения философа¹⁷. Сборник этот стал событием в отечественном антиковедении — и не только фактом своего издания, но и составом участников. А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи, С.С. Аверинцев, П.П. Гайденко и другие его авторы были, конечно же, наиболее авторитетными фигурами в антиковедении и в исследовательских областях, имевших прямое отношение к изучению различных сторон платоновской традиции. Важно, что в этом сборнике имелась собственно историографическая работа Кессиди «Изучение философии Платона в СССР»¹⁸, в которой отмечался уже указанный нами факт: «Если полтора-два столетия назад во всем мире издавалось много работ о Платоне, то за последние десятилетия XX в. литература о нем стала значительно большей, приобрела необозримый характер. На фоне этой обширной и все увеличивающейся литературы число работ о Платоне, появившееся у нас в СССР за период с 1917 г. и по сей день, довольно невелико»¹⁹. Вместе с тем автор попытался сопоставить зарубежные и отечественные подходы к Платону, в частности в связи с математическими аспектами платонизма, а также в контексте знаменитого причисления Платона К. Поппером к родоначальникам идеологии «закрытого общества». Интересна реакция Кессиди на мнение Поппера: «за исключением некоторых терминологических новшеств („тоталитаризм“ и т.п.) и грубой модернизации Платона, аргументация Поппера в остальном мало чем отличается от той, которая выдвигалась до него (например, Э. Франком и С.Я. Лурье)»²⁰.

Но особенное место в этом сборнике занимает статья Т.В. Васильевой «Беседа о логосе в платоновском „Теэтете“ (201c–210d)»²¹, которая является одним из первых примеров откровенного рас-

¹⁷ Кессиди 1979a.

¹⁸ Кессиди 1979b.

¹⁹ Кессиди 1979b: 238.

²⁰ Кессиди 1979b: 252.

²¹ Васильева 1979: 278–300.

сказа о том, как выбирает стратегию работы с первоисточником переводчик, как текст ставит перед ним задачи, требующие не только лингвистической, но и философской герменевтики. Эта статья во многом определила подход многих ученых, занимавшихся переводами Платона, — прежде всего, своим требованием точности результата при сохранении его многозначности: «Язык точных наук неприемлем для передачи платоновского языка. Но чтобы язык перевода мог сохранить многозначность и глубокую многозначительность оригинала, его должны составлять самые простые слова»²².

Отметим также, что позднесоветское чтение Платона становилось своеобразным поводом для неформального объединения ученых, интересующихся античной культурой, наукой, политикой. Приведем только один пример — «Платоновские чтения», которые в течение 1963–1986 годы проводил выдающийся российский филолог-классик А.И. Зайцев. В этих чтениях принимали участие будущие известные ленинградские/петербургские ученые — И.П. Медведев, А.К. Гаврилов, В.А. Гуторов. Гуторов подчеркивает (в личных беседах), что эти чтения стали важнейшим опытом для подготовки его докторской диссертации и монографии «Античная социальная утопия». Принципы исторического исследования, вынесенные из этих семинаров, Гуторов активно применяет и в настоящий момент (см. его полемическую статью «Чего не делать: интеллектуальная политика и античная традиция»²³).

Вместе с перестройкой тема изучения наследия Платона получает целый ряд дополнительных звучаний. Рост интереса к античному наследию в целом и Платону и его традиции в частности, который можно точно фиксировать с начала 1990-х, был, вне всякого сомнения, связан с общими идеологическими и мировоззренческими переменами в постсоветском обществе. Происходившая переоценка ценностей не только реабилитировала тех мыслителей, которые считались идеалистами, но и в целом само

²² Васильева 1979: 286.

²³ Гуторов 2020.

идеалистическое направление в философии. Во многом устаревшая для зарубежной философии дилемма материализма и идеализма сохраняла свою важность в постперестроечной России из-за памяти марксистской идеологии. Платон как общепризнанный «зачинатель» классического идеализма, к тому же истолкованный русским дореволюционным идеализмом в качестве одного из предтеч российской культуры, не мог не стать актуальным предметом исследования. К тому же популярность и авторитет «классического» издания 1968–1972 годов, обновленного в начале 1990-х, создавало ощущение твердого основания для исследований. При этом наибольший интерес в это время вызывали «темные пятна» в платоновской традиции — особенно неоплатонизм в его античном изводе.

«Триггерами» и одновременно центрами притяжения платоноведческих исследований в это время стали различного рода формальные и неформальные семинары и конференции, проводившиеся в разных учебных заведениях. Один из них — «Универсум Платоновской мысли», первое заседание которого прошло в Санкт-Петербургском государственном университете весной 1993 года, — стал традиционной ежегодной конференцией, в 2004–2010 годах испытывавшей некоторый кризис (выразившийся в числе участников — от 50–60 в предшествующее десятилетие до 20–25 в «нулевые» годы), однако после 2011-го вновь резко нарастившей обороты своей деятельности. Одним из итогов этой конференции стало появление альманаха «Академия» (начиная с 1997 года было опубликовано 9 номеров) как первой попытки создания регулярного издания для исследователей платонизма.

«Универсум платоновской мысли» стал одним из источников появления новых переводов на русский язык неоплатонических текстов. В первую очередь мы имеем в виду переводы Л.Ю. Луконским текстов Ямвлиха, Дамаския и Прокла Диадоха, а также Т.Г. Сидашом «Эннеад» Плотина. Эти переводы привлекли к себе внимание читателей и исследователей, хотя и подвергались критике. Отметим, что благодаря издательскому проекту Сидаша

«Квадривиум» в последние годы издано немало античных и раннесредневековых текстов, и важное место в нем занимает именно платоническое наследие (весной 2020 года вышел 3-й том сочинений Ямвлиха²⁴, готовится к изданию четвертый).

В 2012 году начинается традиция проведения международных Платоновских конференций в Москве, а в 2013 году создается Платоновский исследовательский научный центр (ПИНЦ) в Российской государственной гуманитарной академии. После конференции 2012 года в журнале «Логос» выходит подборка материалов разных авторов, посвященных Платону и рецепциям его наследия²⁵. Год 2013-й становится важной вехой в развитии платоновских исследований. В издательстве «Круг» выходит сборник «ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма», подготовленный Институтом философии Российской академии наук²⁶. В том же году в издательстве Российской христианской гуманитарной академии выпускается двухтомный «Платоновский сборник», подготовленный в ПИНЦ и продолженный в виде периодического журнала «Платоновские исследования» (в 2019-м включен в Scopus). В 2013 году было создано Межрегиональное общественное объединение «Платоновское философское общество» (ПФО), которое организует научные мероприятия в области платоноведения и публикует исследования и переводы по релевантным темам. Именно в это время обсуждается необходимость создания новых переводов Платона²⁷. В рамках издательской серии «Наследие Платона» в Платоновском философском обществе (совместно с издательством РХГА и фондом «Наследие») опубликованы четыре новых перевода платоновских диалогов на русский: «Федр» (А.А. Глухова), «Парменид» (Ю.А. Шичалина), «Софист» (И.А. Протопоповой), «Политик» (Р.В. Светлова); готовится издание еще трех диалогов. Образовательная сторона этого

²⁴ Сидаш 2020.

²⁵ Протопопова 2012а.

²⁶ Петров 2013.

²⁷ Россиус 2013.

платоновского движения получила выражение в создании в 2016 году на базе РХГА магистратуры по направлению «философия» и профилю «Платон и история мировой культуры». Следует отметить также, что большое количество исследований, посвященных Платону и платонизму, печатается в новосибирском журнале «СХОЛН», главный редактор которого Е.В. Афонасин сам является исследователем и переводчиком античного платонизма. Ему принадлежат, в частности, переводы фрагментов Нумения, Гераклида Понтийского и Ямвлиха Халкидского²⁸.

Для предыдущего десятилетия в истории отечественного платоноведения характерно особенное внимание к проблемам исследовательской стратегии. До этого времени мы можем говорить о том, что исследователи вольно и невольно следовали за западными трендами, которые открывались в процессе получения все больших возможностей научных контактов, изучения зарубежной платоноведческой традиции. Так, еще в конце 1970-х у нас становится известна «тюбингенская» трактовка так называемого «неписаного учения» Платона²⁹; тему неписаной философии Платона активно обсуждала И.Н. Мочалова³⁰; к этой же традиции понимания Платона склоняется и А.В. Ахутин: «теоретической философией Академии была своего рода математическая онтология и космология (в духе „Тимея“), составлявшая, видимо, содержание так называемого устного или неписаного учения»³¹. Совсем недавно Е.В. Алымова и С.В. Караваева опубликовали анализ того, что нам известно о так называемой лекции Платона «О Благе», которая часто становится аргументом сторонников «тюбингенской» интерпретации Платона³².

Российское платоноведение не могло обойти вниманием такую значимую для понимания платоновского творчества фигуру, как Сократ. Предпринятый И.А. Протопоповой анализ запад-

²⁸ Афонасин, Афонасина 2009; Афонасин 2010; Афонасин 2020.

²⁹ Васильева 1977.

³⁰ Мочалова 2000.

³¹ Ахутин 2007: 296.

³² Алымова, Караваева 2016.

ного сократоведения³³ убедительно показал, что решение «сократовского вопроса» требует новых подходов, актуализируя обращение и к историческому контексту, и к творчеству современников Сократа — не только Платона, но и так называемых «сократиков»: Антисфена³⁴, Ксенофонта³⁵, Эсхина³⁶. Итогом предпринятых исследований стала коллективная монография «Сократические школы как явление античной философии и культуры»³⁷. И хотя авторы показали, что концепт «сократических школ» является конструктом александрийского времени, исследование в целом выявило, насколько значим «сократический контекст» как альтернативный платоновскому вариант развития устного учения Сократа для понимания формирования и развития Академии Платона, пайдейтического проекта, рожденного в конкурентной борьбе различных образовательных и воспитательных практик. Изучение реалий, связанных с лицами, окружавшими Сократа («сократиками», «софистами», афинскими драматургами), дает нам дополнительную информацию по контексту, в котором возникла Академия³⁸.

Другой аспект «сократовского вопроса», вызывающий сегодня немалый интерес, — это исследование рецепции философии Сократа и его образа как философа, менявшегося на протяжении веков. Можно отметить пионерский характер работ И.Н. Мочаловой об отечественной традиции репрезентации Сократа³⁹. Исследованию оригинального образа Сократа-циника, созданного самобытным философом и читателем Платона Константином Сониным, посвящена работа Р.Н. Демина⁴⁰.

Реальное место *математики* в платоновской философии не раз было предметом научного поиска отечественных авторов —

³³ Протопопова 2019а.

³⁴ Мочалова 2019а.

³⁵ Караваева 2020.

³⁶ Алымова 2017.

³⁷ Светлов, Алымова 2019.

³⁸ Алымова, Караваева 2019.

³⁹ Мочалова 2019b; Мочалова 2020.

⁴⁰ Демин 2020.

как минимум, еще советской эпохи. Можно указать на замечательный труд П.П. Гайденко «Эволюция понятия науки», одна из глав которого посвящена теоретическому обоснованию Платоном математической программы в античной науке⁴¹. Из современных работ отметим статью А.И. Щетникова «Сочинения Платона и Аристотеля как свидетельства о становлении системы математических определений и аксиом»⁴², где показано, как философские тексты фиксируют новые дискурсивные особенности античной математики, и недавнюю статью Р.В. Светлова «Математическая шутка из „Политика“ и пределы рациональности в философии Платона»⁴³, где рассматривается амбивалентность использования Платоном понятия $\deltaύναμις$ в математическом и нематематическом контекстах.

Значительной вехой в исследовании вопроса об использовании математической методологии, метафорики, в целом математического дискурса в сочинениях Платона стала книга швейцарского и российского исследователя Вальтера Зеннхаузера «Платон и математика»⁴⁴. Особая значимость этой работы состоит в том, что она не просто практически исчерпывающе рассматривает все «математические места» у Платона, но показывает современный академический контекст, в котором они обсуждаются в зарубежной и отечественной науке.

Наследие Платона обсуждалось и в связи со «старым вопросом» — «социализмом», который многие исследователи конца XIX – первой половины XX века обнаруживали в описании Каллиполиса из диалога «Государство». Материалом, в определенной степени подытоживающим этот вопрос, является статья И.А. Гончарова «Антиномии социализма и социализм Платона», где показано, что описание Платоном быта «стражей» никак не может быть инвариантом организации быта социалистического⁴⁵.

⁴¹ Гайденко 1980: 135–253.

⁴² Щетников 2007.

⁴³ Светлов 2020.

⁴⁴ Зеннхаузер 2015.

⁴⁵ Гончаров 2016.

Вместе с тем раз за разом возникал старый спор о месте Платона в историко-философском процессе в контексте толкования гегелевских принципов логического и исторического (например, Муравьев 2013). Однако более актуальным становилось привлечение Платона к современному философскому делу в духе тех дискурсов, которые связаны с феноменологической традицией «континентальной философии» XX столетия — особенно в связи с М. Хайдеггером. Красноречиво об этом свидетельствует В.В. Бибихин в своей работе «Язык философии», где Платону и платоновскому Сократу уделено много места. Обсуждая то, каким образом формируется доступ к концепту (идее) благодаря платоновской стратегии фиксирования философского поиска в письменном тексте, он предполагает, что вполне возможно сравнение Платона с Хайдеггером, если мы обнаружим близость последнего к афинскому мыслителю: «в его (Хайдеггера) восстании против докторской кафедральной философии, в напряжении и размахе его слова восстановилось то, что называется философской школой»⁴⁶. Характерна также реакция Бибихина на «Чтение „Теэтета“» А.В. Ахутина, впервые опубликованного в альманахе «АРХЭ» (Ахутин 1998): «Для понимания платоновской и античной эстетики Лосева не хватает. Теперь необходимо уже внимание к хайдеггеровской феноменологии *присутствия*, бытия в мире, с *настроением*, основным тоном этого бытия, и к витгенштейновскому солипсизму, впускающему в субъект тоже всю массу мира. Развертывание *эстетиса* у Ахутина и своевременно, и необходимо, чтобы вытеснить негодную схему „ощущение–мнение–наука–софия“, якобы отвечающую античной иерархии познания»⁴⁷. Собственно, сам текст Ахутина, посвященный «Теэтету», безусловно новаторский для отечественного платоноведения 1990-х, как раз и представляет собой пример того, как подобная стратегия чтения Платона получала свое выражение в российской философии⁴⁸.

⁴⁶ Бибихин 2002: 258.

⁴⁷ Бибихин 2009: 492.

⁴⁸ Ахутин 2005.

На наш взгляд, до не столь давнего времени единственной отечественной концепцией, оригинальной и продуманной, являлся институциональный подход, о котором Ю.А. Шичалин начал говорить еще в 1990-х. Его применение не является методологической новацией, подход достаточно давно и эффективно работает в социогуманитарных исследованиях, в частности — в политологии и социологии. Однако для области отечественных историко-философских исследований обращение к такого рода методологии является новацией и возникает в ходе поисков нового методологического инструментария. Шичалина можно назвать основателем традиции такого рода исследований. Основные принципы подхода наиболее полно были изложены им в докторском исследовании «История античного платонизма в институциональном аспекте», опубликованном в качестве монографии в 2000 году⁴⁹. Этот труд можно считать программным, так как он раскрыл потенциал институционального подхода не только как методологии работы с корпусом платоновских текстов, но и с античной философией в целом.

В качестве ключевого концепта подхода выступает «школа» как особая институция хранения, воспроизводства и трансляции знания. Ее функционирование, организованное по определенным правилам, определяющим отношение учителя и учеников, предполагает наличие базовых текстов, конституирующих, по мысли Шичалина, школу. Значимым элементом жизни школы выступают дискуссии, решающие две основные задачи: обучение специальным навыкам ведения дискуссий и обсуждение базовых положений школы среди наиболее опытных учеников. Такое понимание школы и определяет исследовательские области, возникающие в рамках институционального подхода, а именно: выявление корпуса текстов, определяющих функционирование школы, изучение их жанрового многообразия и специфики; исследование внутри- и внешкольных дискуссий как контекста формирования и распространения догм школы.

⁴⁹ Шичалин 2000.

По признанию Шичалина, импульсом для применения институционального подхода к изучению наследия Платона стала изданная в 1982 году работа Хольгера Теслеффа «Изучение платоновской хронологии»⁵⁰, представившая оригинальную модель платоновского творчества. Рассмотрение интеллектуальной атмосферы созданной Платоном школы как значимого контекста его творчества привело Теслеффа к необходимости пересмотра сложившихся в платоноведении догм, а именно к отказу рассматривать в качестве ранних текстов Платона так называемые «сократические диалоги»; к признанию «Апологии» самым ранним текстом платоновского корпуса; к утверждению платоновской практики редактирования диалогов⁵¹. Еще большую значимость для понимания диалогов Платона внутришкольные дискуссии приобрели в случае принятия тезиса Ингемара Дюринга о заметной роли молодого Аристотеля в Академии уже в 360 годы до н.э. В этом случае полемика с ним не могла не найти отражения в целом ряде диалогов⁵².

Работы Теслеффа и Дюринга во многом определили исследовательскую методологию Шичалина, использованную им в ходе анализа платоновского «Федра». В объемной вступительной статье «Два варианта платоновского „Федра“» была представлена новая концепция создания и структуры диалога, раскрыто его место в платоновском корпусе⁵³. Именно в этой работе были обозначены контуры будущей новой хронологической модели платоновского творчества, наиболее полно изложенные в 2015 году⁵⁴. Ее основанием является тезис о корреляции литературной формы (жанра) текстов, входящих в платоновский корпус, и различных этапов функционирования школы Платона. По мысли Шичалина, построенная на таком основании модель позволяет минимизировать субъективный компонент исследования и наибо-

⁵⁰ Thesleff 1982.

⁵¹ Шичалин 2000: 149–153.

⁵² Шичалин 2018: 124.

⁵³ Шичалин 1989.

⁵⁴ Шичалин 2015. 1-й вариант новой хронологии см. Шичалин 2000: 146–185.

лее полно представить «исторического Платона», чье творчество эволюционировало от написания речей, «публикуемых» в узком кругу сторонников (конец 390 – начало 380 годов) – к рамочным диалогам, пересказанным либо Сократом, либо кем-то из его круга (вторая половина 380 – середина 360-х), и созданным в период становления Академии. Третий период творчества Платона (с конца 370-х) представлен диалогами в прямой драматической форме, что отражает эволюцию академической практики. Реконструкция на основе предложенной модели позволяет, по мнению Шичалина, найти объективные критерии для решения проблемы аутентичности входящих в корпус Платона текстов, выделив в отдельную группу не принадлежащие Платону школьные диалоги, созданные учениками – возможно, в ходе совместной работы.

Подтверждением эффективности институционального подхода стали конкретные исследования ряда диалогов, среди которых «Ион», «Менексен», «Евтидем», «Критон»⁵⁵. Серьезной проверкой состоятельности предложенной модели творчества Платона можно считать выполненный Шичалиным новый перевод «Парменида»⁵⁶. Обширная вступительная статья и подробные комментарии в полной мере раскрывают специфику институционального подхода, не получившего у отечественных ученых однозначной оценки. В качестве сторонницы институционального подхода выступает И.Н. Мочалова. В фокусе ее работы внутришкольная полемика учеников Платона – Спевсиппа, Ксенократа, Евдокса, Аристотеля⁵⁷. Предпринятая реконструкция конкурентного дискурса позволяет раскрыть формирование в стенах Академии так называемого платоновского учения об идеях: Мочалова предложила интерпретацию онтологических построений «Тимея» от дуальной к трехчастной модели как реакцию на внутриакадемическую критику Платона⁵⁸. По мысли Мочаловой, ин-

⁵⁵ Исследование «Критона» было выполнено под руководством Шичалина А.И. Золотухиной (Золотухина 2013).

⁵⁶ Шичалин 2017.

⁵⁷ Мочалова 2000.

⁵⁸ Мочалова 2014а, Мочалова 2014b.

ституциональный подход, объединяя историко-филологическую и историко-философскую работу, позволяет раскрыть «неписанные учения» как результат внутришкольной полемики, решив таким образом проблему эзотеризма Платона⁵⁹.

Критика институциональной парадигмы в платоноведении предпринимается со стороны сторонников традиционной имманентной (или догматической) работы с текстами Платона, полагающими, что привлечение контекста не может прояснить тексты Платона, ибо сам контекст невозможно реконструировать (А.В. Серёгин, Д.В. Бугай)⁶⁰. В частности, именно с таких позиций Бугай оценивает как институциональный подход в целом, так и выполненные с его использованием исследования. По его мнению, «такого рода концепция не только не превосходит общепринятую версию, но в еще большей степени, чем последняя, искажает картину платоновского творчества и приводит в своем применении к многочисленным натяжкам и ложным толкованиям платоновских текстов»⁶¹. Не ставя задачи дать оценку дискуссии, отметим, что само возникновение полемики в отечественном платоноведении можно рассматривать как определенное свидетельство его зрелости.

Вместе с тем именно в 2010-е вопрос о том, «как читать Платона», становится даже не методическим, но философским. Четкое осознание предпосылок и границ собственного подхода все в большей степени становится условием появления продуктивных и привлекающих к себе внимание работ. Появление опубликованной в СПбГУ в 2008 году книги Т. Слезака, одного из выдающихся представителей «Тюбингенской школы»⁶², стало символическим началом периода, когда интерес к Платону у большинства отечественных исследователей приобретает методическую зрелость. В «Платоновских исследованиях» публикуются мате-

⁵⁹ Мочалова 2016.

⁶⁰ Подробнее обоснование преимуществ догматического подхода см. Серёгин 2014а.

⁶¹ Бугай 2018: 101.

⁶² Слезак 2008.

риалы, посвященные наиболее значимым зарубежным исследовательским подходам. В 2015 году на очередной конференции «Универсум Платоновской мысли» в Санкт-Петербурге выступали со своими концепциями представители трех стратегий изучения Платона: «эволюционную» (исследующую развитие идей Платона в текстах разного периода) представлял Томас Робинсон, «тюбингенскую» — Томас Слезак, «драматическую» — Джеральд Пресс. В 2018 году наиболее представительная из платоновских конференций в Санкт-Петербурге, участниками которой было руководство Международного Платоновского общества (International Plato Society), также была посвящена методологии.

Среди перечисленных подходов не был упомянут аналитический — наиболее распространенный в зарубежном платоноведении в последние несколько десятилетий. Однако и в России мы видим его присутствие и даже постепенное расширение влияния. Среди московских авторов здесь можно выделить работы А.В. Серёгина, посвященные анализу платоновской этики в аналитическом ключе⁶³.

Отдельно хотелось бы упомянуть опыт наших коллег из Новосибирска, представляющих Новосибирский государственный университет, а также Сибирский институт философии и права РАН. Предпосылками принятия ими аналитических стратегий, на наш взгляд, было формулирование так называемого «проблемного метода». В 2007 году М.Н. Вольф и И.В. Берестов опубликовали программную статью «Проблемный подход к истории древнегреческой философии», где изложили основные его параметры и где был сделан важный шаг в сторону аналитического подхода к историко-философскому исследованию⁶⁴. Главным образом на примере досократической традиции выделяются те проблемы, которые, по мнению авторов, остаются ключевыми для всей европейской мысли (как возможно познание, что значит существовать, в чем смысл деятельности мыслящего существа). Обнаруже-

⁶³ Серёгин 2014b, Серёгин 2016, Серёгин 2019.

⁶⁴ Вольф, Берестов 2007.

ние общности проблем позволяет, согласно авторам статьи, перебросить мостик не только к современным философским проблемам, но и использовать актуальную для современности философскую терминологию, не уделяя излишнего внимания деталям исторического и культурного контекста. В качестве примеров такого «проблемного подхода» можно указать на рассмотрение Вольф «гипотетического метода» у Платона⁶⁵. Другим примером могут стать исследования Берестова, который рассматривает аргумент от «третьего человека» из платоновского «Парменида» именно в современном аналитическом ключе, обсуждая возможность уклонения от регресса рассуждения в бесконечность⁶⁶, или же возможность наличия единого интенционального объекта для различных интенциональных актов при том холистическом понимании целого, которое свойственно античной мысли⁶⁷.

По сути, в указанных выше работах уже присутствует вполне отчетливая аналитическая методология. Важным событием, связанным с легитимизацией аналитических подходов в области отечественной истории античной мысли, в том числе мысли Платона, становится коллективная монография «Аналитическая история философии: методы и исследования», где достаточно четко отражена методология аналитической мысли, примеры ее применения, а также показаны те контексты, в которых историческое содержание философии остается важным для аналитиков⁶⁸. Авторы предлагают в этой монографии некоторые способы объединения «апроприационного» и «контекстуального» подходов, однако, на наш взгляд, эти предложения все равно оставляют методологию на почве аналитической парадигмы.

Продолжают выходить работы, связанные с трактовкой традиционного понимания платоновской онтологии. А.М. Гагинский, следуя традиционной «онтологической» парадигме интерпретации ключевых понятий Платона, предлагает свою трактовку гено-

⁶⁵ Вольф 2020.

⁶⁶ Берестов 2014.

⁶⁷ Берестов 2016.

⁶⁸ Берестов, Вольф, Доманов 2019.

логии Платона, отличающуюся как от неоплатонической интерпретации (Плотин, Прокл), так и следующей за ней отечественной традиции истолкования (А.Ф. Лосев, П.П. Гайденко, Ю.А. Шичалин, А.Л. Доброхотов и др.) первых двух гипотез «Парменида». Гагинский дает анализ лексики античной онтологии, показывая ее характерные особенности, определившие развитие европейской метафизики и онтологии⁶⁹. С.Л. Катречко также анализирует основополагающие понятия платоновской онтологии, такие как Бытие, Единое, Сущее, добавляя в свои разыскания долю кантовского трансцендентализма⁷⁰. В контексте исследований платоновской онтологии следует отметить статью А.А. Плешкова о темпоральном характере материи у Платона. В статье критикуется возможность описания материи в терминах вечности, рассматривается семантика слова ἔξαιφνης («вдруг») в разных диалогах Платона и анализируется роль понятия τὸ ἔξαιφνης в «Пармениде»; это позволяет прийти к нетривиальным выводам о роли и значении мгновенности материи в философской системе «Тимея»⁷¹. Отметим также работы С.С. Аванесова, который предлагает аксиологический анализ платоновских текстов (на примере диалогов «Горгий» и «Лисид»), рассматривая их как начало формирования европейской аксиологии⁷².

Среди работ Р.В. Светлова отметим перевод диалога «Политик», опубликованный в рамках уже упомянутого проекта новых переводов текстов Платона⁷³. Проведенное Светловым исследование показывает, что центром данного диалога является вопрос о методе, который наиболее подробно обсуждается в центральных «секциях» диалога. Метод нахождения истинной меры помогает правильно оценить как начальные «разделения», включая знаменитый миф о кругообращениях Космоса, так и последующие диэрезы, которые позволяют Чужеземцу из Элеи опи-

⁶⁹ Гагинский 2014, Гагинский 2016.

⁷⁰ Катречко 2014.

⁷¹ Плешков 2019.

⁷² Аванесов 2008, Аванесов 2014.

⁷³ Светлов 2019.

сать всю экономическую и политическую деятельность города-государства. Выделим также исследование Светловым «визуального» образа «платоновского» и «аристофановского» Сократа⁷⁴. Отметим, что элементы драматического подхода (о котором пойдет речь ниже), использовавшиеся Светловым в 2010-х, позволяют обнаружить предпосылки будущего «скептического поворота» в истории Академии⁷⁵. В этой связи нельзя не упомянуть публикацию трактата Цицерона «Учения академиков» в переводе Н.А. Федорова и с комментариями М.М. Сокольской, обращение к которому становится существенно важным для понимания интерпретаций учения Платона в Академии до формирования догматической его трактовки при жизни Антиоха из Аскалона⁷⁶.

Необходимо отметить и другие подходы, развиваемые в отечественном платоноведении, в частности «драматический подход»⁷⁷. Мы уже упоминали выше статью Т.В. Васильевой, вышедшую в сборнике «Платон и его эпоха» в 1979 году, где автор интерпретирует эпизод из «Теэтета», связанный с попыткой определения логоса посредством аналогии с буквами и слогами. Васильева отмечает, что Платон «оставил нам свое учение в непрямом и опосредованном драматургией диалога выражении»⁷⁸. Это внимание к драматургии Платона в дальнейшем развивается у Васильевой в осознанный подход к особенностям систематики платоновского творчества, ярко реализуемый в книге «Путь к Платону». В 2008 году выходит посмертный сборник работ Васильевой «Поэтика античной философии», куда включены, в частности, «Путь к Платону» и статья «Платоновский вопрос сегодня и завтра», а кроме того — «Афинская школа философии» и «Комментарии к курсу истории античной философии»⁷⁹. В ра-

⁷⁴ Светлов 2015, Светлов 2012.

⁷⁵ Светлов 2020а.

⁷⁶ Федоров, Сокольская 2004; см. также Антонов 2010.

⁷⁷ См. о нем в сравнении с другими подходами Пресс 2013а, Пресс 2013б, Прокопенко 2013.

⁷⁸ Васильева 1979: 282.

⁷⁹ Васильева 2008.

боте «Путь к Платону», особенно в главе «Платоновский ответ на платоновский вопрос», Васильева подчеркивает, что «с точки зрения формальной логики платоновские диалоги не выдерживают критики», и это связано с самой диалогической формой и драматургией платоновских произведений⁸⁰. Тем не менее, она полагает, что если касаться «внутреннего мира души, то вынести его на обозрение и обсуждение может только диалог — аутентичное признание одного, другого, третьего субъекта. Итак, пока речь идет о познании, диалог — наиболее предпочтительная, если не единственно возможная форма изложения философского учения»⁸¹. По мнению Васильевой, форма диалога отвечает платоновской концепции не-индивидуальной бессмертной человеческой души, и таким же образом функциональными оказываются различные «мелочи» и нюансы, драматургические пассажи и все то, что не вписывается в «новременной канон» философии. Помимо драматургии «внутри» каждого диалога, еще более значимым Васильевой представляется «вопрос о том, насколько точно и адекватно отражает сумму и структуру платоновского учения сумма и взаиморасположение диалогов корпуса»⁸², то есть она видит драматургическую архитектуру во взаимоотношении диалогов друг с другом, приводя в пример систему отношений диалогов «Парменид» — «Теэтет» — «Софист» — «Политик». Васильева утверждает, что «система корпуса, как и система мышления Платона, носит не линейный и не пространственно-статический, и даже не просто динамический, но «циклический» характер. Диалектика платоновской мысли состоит не в последовательном и постепенном подъеме знания от простого к сложному, от примитивного к высокому, но в неизменном возвращении от достигнутых результатов к исходным ступеням, в выявлении все новых и новых аспектов изучаемых вопросов»⁸³. Имен-

⁸⁰ Васильева 2008: 367.

⁸¹ Васильева 2008: 368.

⁸² Васильева 2008: 370.

⁸³ Васильева 2008: 371.

но в этом контексте Васильева рассматривает «иронию» и «энтузиазм» Сократа. По ее мнению, «ирония появляется у Сократа в момент движения от бытия к становлению, сверху вниз, когда временное обсуждается перед лицом вечного, мнение — перед истиной»⁸⁴; энтузиазм же, напротив, — «это движение снизу вверх, прорыв в неизведанное. Естественно, энтузиазм очень быстро переходит в иронию, движение вверх сменяется движением вниз. Путь вверх и путь вниз — один и тот же для Платона, как и для Гераклита»⁸⁵. Эта цикличность в качестве формы выражения столь же необходима платоновской философии, как и «художественность», которая часто вменялась Платону в вину: «А между тем „художественность“, „образность“ Платона вызваны к жизни столь же его поэтическим вдохновением, сколь и суровой необходимостью для писателя-платоника, равно как и для философа-платоника дать словесное выражение тому, что словами выражено быть не может, намекнуть на невыразимое, включить в работу мысли то, что адекватно может быть схвачено лишь чистым умственным созерцанием»⁸⁶. Васильева признает значимость «тюбингенской революции» и разделения учения Платона на экзотерическое и эсотерическое, однако подчеркивает позитивное значение «писаного» учения Платона именно в части его специфической драматически-диалогической формы⁸⁷. В целом можно констатировать, что в работах Васильевой впервые в отечественном платоноведении четко заявлен и последовательно выдерживается «драматический подход».

В связи с «драматическим подходом» необходимо упомянуть работу Г.Ч. Гусейнова «Драматургический метод Платона», где автор демонстрирует именно сценически-драматургическую составляющую диалогов Платона в контексте театра⁸⁸. Большую часть работы занимает анализ диалога «Пир» с точки зрения его

⁸⁴ Васильева 2008: 372.

⁸⁵ Васильева 2008: 373.

⁸⁶ Васильева 2008: 376.

⁸⁷ Васильева 2008: 383.

⁸⁸ Гусейнов 1981.

драматургии. Несмотря на то, что автор концентрируется прежде всего на «театральном» контексте диалога, он не забывает о его философских основаниях, показывая, что для Платона образ — это всегда некий мимесис относительно образца, эйдоса, и в этом смысле Платон, как его демиург в «Тимее», сам оказывается демиургом: «Платон, собравшийся записывать свои диалоги-драмы охоты за образом, — творец, стоящий в этом своем качестве вровень с демиургом, делателем Вселенной»⁸⁹.

Так или иначе драматический подход подразумевается в книге Д.В. Бугая «Единство платоновского „Государства“»⁹⁰. Автор исходит из унитаристского взгляда на платоновский корпус, отсылая читателей к Шори, Джоуетту, Адаму, Кану и другим близким по концепции авторам. Он полагает, что «Государство» задумано и реализовано как единое целое, и выстраивает свою работу как последовательный комментарий к десяти книгам диалога. С точки зрения содержания Бугай считает главным в «Государстве» не политическую проблематику и не философскую гносеологию, а вопрос справедливости в душе человека: «рассуждения о благе не имеют цели достроить до конца некую иерархию идей, но указать последний момент, предел нашего этического познания. Поскольку благо познается умом, а ум, по Платону, не имеет иного существования кроме как в душе, то познание блага — это самое важное дело души»⁹¹. Важнейшим признаком присутствия драматического подхода в книге является требование автора рассматривать в диалогах Платона не только содержание, но и форму. В комментариях к 10-й книге Бугай делает вывод: «Платону удалось создать произведения, в которых минимум внешнего действия и эффектных сцен, отсутствие необузданных страстей и внешних эффектов, тем не менее, благодаря искусству слова, композиции, движения идей и образов смогли единственный раз в истории литературы создать единственный и неповтори-

⁸⁹ Гусейнов 1981: 45.

⁹⁰ Бугай 2016.

⁹¹ Бугай 2016: 341-342.

мый философский диалог, аналогов которому несмотря на все попытки в античной и новой словесности так и не возникло»⁹².

Развитие «драматического подхода» в отечественном платоноведении принадлежит прежде всего И.А. Протопоповой, которая в 2011-м опубликовала в журнале «Логос» статью о «Государстве» в этом ключе, а в 2012-м — программную работу «Прыгающий лебедь: о драматическом подходе к диалогам Платона», где дается описание этого подхода в сравнении с другими исследовательскими стратегиями в платоноведении и делается попытка дать собственную специфическую версию этого подхода. Суть этой версии в том, что форма диалогов оказывается миметически выверенным способом выражения «эйдетики» и «ноэтики» на словесно-чувственном уровне⁹³. Такой «изоморфизм» содержания и формы позволяет читателю рефлексировать собственные способы чтения и понимания текста и одновременно мышления, связанного как с неотрефлексированной «доксой», так и с дискурсивной «дианойей», а также с ноэсисом. Начиная с 2013 года Протопопова опубликовала ряд статей, в которых разбираются разные диалоги Платона в русле этого подхода: «Софист»⁹⁴, «Пир»⁹⁵, «Государство»⁹⁶ «Гиппий Большой» и другие. В 2019 г. вышел перевод Протопоповой диалога «Софист» с интерпретацией и обширными комментариями, также опирающимися в первую очередь на драматический подход⁹⁷. Помимо этого, Протопопова разрабатывает достаточно новую в платоноведении тему разных типов эйдосов⁹⁸. В близком этому подходу духе Е.В. Алымова трактует платоновского Сократа как «героя философской драмы»⁹⁹.

Определенную близость драматическому подходу демонстрируют публикации А.А. Глухова. С одной стороны, он толкует ос-

⁹² Бугай 2016: 419–420.

⁹³ Протопопова 2011, Протопопова 2012b.

⁹⁴ Протопопова 2013, Протопопова 2014.

⁹⁵ Протопопова 2015.

⁹⁶ Протопопова 2018a.

⁹⁷ Протопопова 2019b.

⁹⁸ Протопопова 2018b.

⁹⁹ Алымова 2018.

нователя Академии как вполне «реалистического» мыслителя, в частности его проект Каллиполиса как исходящего из колониционных проектов, предлагавшихся афинскими интеллектуалами в IV веке¹⁰⁰. С другой стороны, он четко артикулирует осознание Платоном взаимной непереводимости языков свободы и справедливости, что, конечно же, заставляет нас взглянуть на платоновские тексты с точки зрения автономии говорящего (эта идея развивается, например, в связи с противопоставлением устного и письменного слова)¹⁰¹. Эта автономия требует особенного внимания к игре эротики, риторики, политики, диалектики и метафизики, представленной, например, в диалоге «Федр». Идеи, высказанные Глуховым в книге «Перехлест волны» и в материалах к переводу «Федра», мы видим в развиваемой им драматической («перипетийной» или «реверсивной») теории истины у Платона и ее связи с драмой, о чем Глухов активно пишет и делает доклады в последние годы¹⁰².

К драматическому подходу определенным образом примыкает тот, который можно назвать «филологическим». В этом отношении следует отметить книгу Т.Ю. Бородай, в которой опубликованы ее работы, связанные с исследованием становления философского языка у Платона. Бородай настаивает на сознательной парадоксальности и противоречивости Платона, причем в ключевых философских вопросах и «понятиях», и на их принципиальной «незакрываемости»¹⁰³. Исходя из этих главных положений, она рассматривает философский язык Платона на примере двух терминов из диалога «Тимей»: «демиург» и «хора», на анализе которых разбираются образно-мифологический и рационально-логический планы диалога. Бородай делает вывод по поводу «демиурга»: «Диалоги „Тимей“ и „Политик“ свидетельствуют о том, что Платон никогда не выразил эксплицитно, в точных понятиях того содержания, которое он вкладывал в свой образ мастера-

¹⁰⁰ Глухов 2011.

¹⁰¹ Глухов 2017.

¹⁰² Gloukhov 2019.

¹⁰³ Бородай 2008: 11.

демиурга»¹⁰⁴. Этому соответствует и вывод относительно «хоры»: по мнению Бородай, «термин „хора“, введенный Платоном в „Тимее“, сохраняет все основные элементы семантики слова „хора“, которые нам удалось выявить из анализа его нетерминологических употреблений»¹⁰⁵. Это означает, что Платон намеренно избегает однозначной семантики в своих «терминах», что обусловлено его отношением к «логосу», который, по Платону, по определению не может точно выразить основания ума и сущего.

В направлении драматического подхода, на наш взгляд, движется и выпускник Ленинградского университета 1980-х, а ныне профессор Харьковского национального университета В.В. Прокопенко. В его работах происходит своеобразная реинкарнация «пайдевтического» толкования наследия Платона, предпринятая некогда В. Йегером, однако уже учитывающая опыт стилометрических, «эзотерических» (Лео Штраус и уже упомянутая Тюбингенская школа), нарратологических и других оценок творчества Платона¹⁰⁶. На наш взгляд, определенное воздействие на эту «реинкарнацию» оказали также рассуждения о «духовных упражнениях» и «практиках себя», принадлежащие П. Адо и М. Фуко. При этом вопросы о хронологии и даже авторстве некоторых диалогов Платона оказываются несущественными. Прокопенко рассматривает весь комплекс «Платоновского корпуса» как воспитательный инструмент; с его точки зрения, важен порядок чтения, а не порядок их написания¹⁰⁷.

В связи с филологическими разысканиями в платоноведении следует отметить работы А.В. Гараджи. В статье «Философы себе замутят государство (R. 540e)?» автор рассматривает странное выражение $\delta\alpha\sigma\kappa\epsilon\upsilon\omega\rho\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha$ и проводит детальный лексикографический анализ исходного $\sigma\kappa\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$ и его производных как в платоновских диалогах, так и в греческом узусе, что приоткрывает оттенок неискренности и подтасовки в «обустройстве» философами

¹⁰⁴ Бородай 2008: 85.

¹⁰⁵ Бородай 2008: 132.

¹⁰⁶ Прокопенко 2012.

¹⁰⁷ Прокопенко 2019.

своего государства, а такая сознательная маркировка «неискренности» намекает на многозначность текста, что, в свою очередь, ставит под вопрос намерения Платона при описании «тоталитарного» государства¹⁰⁸. Также Гараджа занимается сопоставлением Платона с контекстами других античных авторов¹⁰⁹, разысканиями в области культурных реалий платоновских текстов¹¹⁰, текстологией платоновских диалогов¹¹¹, публикует переводы, связанные с Платоном и платонической традицией¹¹².

В контексте филологических исследований платонизма упомянем также работы Д.С. Курдыбайло. В статье, посвященной анализу этимологий в «Кратиле», автор предлагает оригинальную оптику рассмотрения, учитывающую игровой характер стилистики ряда пассажей, и показывает, что стилистические особенности речи Сократа в «этимологической» части диалога могут быть интерпретированы как аллюзия на античную мистериальную культуру¹¹³. Эти наблюдения дополняют выводы по поводу представлений Платона о генезисе языка, которые мы видим в монографии российского филолога А.Л. Верлинского¹¹⁴. Исследования «Кратила» продолжают в другой работе автора, написанной в соавторстве с И.П. Курдыбайло¹¹⁵. Авторы показывают, что комментарий на «Кратил» содержит целостную систему взглядов на онтологию именования и эпистемологию имени, которые в теургическом контексте оказали существенное влияние на последующие традиции как языческого, так и христианского неоплатонизма. Отметим также, что Д.С. Курдыбайло много работает над темой рецепций учения Платона в поздней античности¹¹⁶.

¹⁰⁸ Гараджа 2017b.

¹⁰⁹ Гараджа 2019a.

¹¹⁰ Гараджа, Протопопова 2015.

¹¹¹ Гараджа 2019b.

¹¹² Гараджа 2017a.

¹¹³ Курдыбайло 2015.

¹¹⁴ Верлинский 2006.

¹¹⁵ Курдыбайло, Курдыбайло 2018.

¹¹⁶ Курдыбайло 2013; Курдыбайло, Курдыбайло 2015.

В 2010-е в российском платоноведении продолжалось изучение отдельных жанров, которые, трансформируясь, входили в состав платоновских сочинений, — в частности, протрептика. В докладе 2012 года О.В. Алиева ставит под сомнение традиционное понимание «сократического протрептика» как переходной формы между софистическими увещаниями и платоновскими диалогами¹¹⁷. Указывая на связь между фрагментами Антисфена и речью Павсания в «Пире», Алиева утверждает, что увещательные мотивы у Антисфена сводились к призыву «угождать» влюбленному¹¹⁸. Платоновский «протрептик» не сводим к эленхосу; как обозначение жанра термин впервые вводится Платоном в «Евтидеме» в ситуации межшкольной полемики с Исократом и мегариками¹¹⁹; более широкое понимание всех диалогов Платона как протрептических восходит к «Клитофону», написанному кем-то из критиков Платона в Академии.

Интенсивно развиваются в России исследования, связанные с рецепцией идей Платона и платонизма в Средние века и эпоху Возрождения. Прежде всего необходимо сказать об исследованиях неоплатонизма в работах В.В. Петрова¹²⁰ и С.В. Месяц¹²¹, которая посвящает несколько работ непосредственно Платону; особенно следует выделить ее статьи о дискурсивном знании у Платона¹²². Кроме того, нужно упомянуть работы, относящиеся к Платону опосредованно, но исследующие важные аспекты платонического наследия в неоплатонизме и патрологии. Так, Т.В. Литвин достаточно подробно исследует тему времени в творчестве Плотина и Августина¹²³. Активно и успешно работает над изучением неоплатонизма Н.П. Волкова, среди работ которой выделим ее книгу, посвященную теме материи и зла у Плотина¹²⁴, а также

¹¹⁷ Alieva 2013.

¹¹⁸ Alieva 2016.

¹¹⁹ Alieva 2018.

¹²⁰ Петров 2014, Петров 2016.

¹²¹ Например, о Прокле: Месяц 2014.

¹²² Месяц 2010, Месяц 2011, Месяц 2013.

¹²³ Литвин 2016.

¹²⁴ Волкова 2017.

важную для истории античной педагогики и темы преемственности в ней статью «Философское образование согласно Платону и Плотину»¹²⁵.

Отметим также патрологические материалы Д.В. Бирюкова¹²⁶, а в контексте изучения наследия флорентийского платонизма и в частности Марсилио Фичино — работы И.Г. Гурьянова, который также публикует свои переводы трактатов Фичино¹²⁷. Различные аспекты платонизма в византийской интеллектуальной традиции рассматривают О.Ю. Гончарко¹²⁸ и Е.А. Маковецкий¹²⁹.

В области более современной рецепции идей Платона и платонизма событием стал выход книги М.А. Маяцкого «Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет»¹³⁰. В книге идет речь о взаимодействии «кафедрального» платонизма немецкой «университетской машины» и платонизма, «производимого» кругом известного поэта Штефана Георге, не ставящим задачу академического изучения Платона, но провозглашающим необходимость *жить и переживать* Платона. В области рецепции платонизма М. Хайдеггером отметим две работы А.В. Михайловского (одна в соавторстве с А.Н. Романовым): в первой речь идет о проблемах перевода смыслов в статье Хайдеггера «Учение Платона об истине»¹³¹, во второй Михайловский предлагает интерпретацию платоновской притчи о пещере у Хайдеггера в связи с трактовкой философии как эзотерического знания¹³². Активно занимается формами восприятия Платона в философии Нового и Новейшего времени А.В. Тихонов. Он отмечает перечень тем, которые вызывают ответную реакцию о столь несхожих мыслителях, как Гуссерль, Хайдеггер, английские абсолютные идеалисты,

¹²⁵ Волкова 2019.

¹²⁶ Бирюков 2014, Бирюков 2016.

¹²⁷ Гурьянов 2015, Гурьянов 2019а, Гурьянов 2019b.

¹²⁸ Гончарко, Черноглазов 2016.

¹²⁹ Маковецкий 2018.

¹³⁰ Маяцкий 2012.

¹³¹ Михайловский, Романов 2010.

¹³² Михайловский 2013.

П. Адо, показывая, что платоновское наследие способно перекинуть мостик между, казалось бы, совершенно различными современными философскими традициями¹³³. Как примеры постановки вопроса в духе «Платон и...» можно привести работы, связанные с сопоставлением античного философа и Л. Витгенштейна. Они могут касаться сопоставления исследовательских стратегий названных авторов в вопросе о языке¹³⁴, рефлексии Витгенштейна над наследием Платона¹³⁵ или обращению к Сократу и Платону в витгенштейнианской традиции¹³⁶.

Другим примером компаративных исследований является сопоставление платоновской философии с древневосточными философско-религиозными традициями. Назовем хорошо известную книгу С.Я. Шейнман-Топштейн «Платон и ведийская философия». Обнаруживая целый ряд параллелей между платонизмом и ведийским канонем, особенно в онтологии, космологии, мифологии, автор все-таки принципиально различает обе традиции с той точки зрения, что платонизм развивался в рамках активно формирующегося античного понятийного мышления, которое позволило греческой мысли эмансипировать себя от религиозной подоплеки. По мнению Шейнман-Топштейн, для ведийской мысли такое несвойственно. Любопытен раздел книги, где дается сравнение платоновского диалога «Политик» и «Бхагавад-гиты», что позволяет подкрепить эти выводы¹³⁷.

Е.В. Абдуллаев в своей книге, посвященной истории рецепций платонизма на Ближнем Востоке, показывает не только прямые и косвенные влияния платонических идей на религиозные и мировоззренческие представления культур Среднего Востока эллинистического периода, но и рассматривает предпосылки таких рецепций, анализируя гипотезы о культурной диффузии, которая могла иметь место между Элладой и Средним Востоком в до-

¹³³ Тихонов 2013, Тихонов 2015.

¹³⁴ Гринцер 1998; Никоненко 2019.

¹³⁵ Родин, 2017.

¹³⁶ Рахманин 2019.

¹³⁷ Шейнман-Топштейн 1978: 121–195.

платоновскую и платоновскую эпохи¹³⁸. Несомненной глубиной и оригинальностью отличаются доклады и публикации Р.Н. Демина, посвященные компаративному сопоставлению платоновской мысли и древнекитайской философии¹³⁹. Наконец, следует отметить исследования И.Р. Тантлевского, которые посвящены сопоставлению, а также изучению возможного взаимного влияния некоторых элементов библейской и более поздней еврейской мудрости и отдельных сторон учения Платона¹⁴⁰.

Таким образом, мы видим крайне разнообразные контексты, в которых анализируется платоновское наследие, — настоящий универсум рефлексий на тему платоновских идей. Современное отечественное платоноведение все больше диверсифицируется, авторы осваивают новые исследовательские стратегии и герменевтические подходы, не замыкаясь в рамках какой-либо одной стратегии и не подчиняясь какому-либо «господствующему» подходу. Как нам представляется, наиболее продуктивным и актуальным сейчас может стать синтетическая методология, которая не ограничивается противопоставлением «аналитической» и «континентальной» традиций, или подходов апроприацианизма и контекстуализма. Напротив, сочетание методик, которые ведут происхождение из различных философских школ (феноменологии и лингвистической философии, «фукольдианства» и аналитической мысли), становится реальностью для самых разных областей современного философского дела. Как нам представляется, такое сочетание, вполне соответствующее принципу Пола Фейерабенда *everything goes* (естественно, понятаму не в дилетантском ключе), может вывести нас на новые горизонты анализа текстов Платона.

В завершение хочется выразить осторожную надежду на формирование в дальнейшем разнообразных российских платоноведческих школ.

¹³⁸ Абдуллаев 2007.

¹³⁹ Демин 1997, Демин 2011.

¹⁴⁰ Тантлевский 2019a, Тантлевский 2019b.

Литература

- Абдуллаев, Е.В. (2007), *Идеи Платона между Элладой и Согдианой: очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке*. СПб.: Алетейя.
- Абрамов, А.И. (1997), “Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно-академическом философствовании)”, *Вопросы философии* 9: 130–140.
- Абрамов, А.И. (2002), “К вопросу о платонических корнях русского философствования”, in *Владимир Соловьев: взгляд сквозь столетие. Материалы философских чтений*, 63–76. М.: РАГС.
- Аванесов, С.С. (2008), “«Горгий» Платона: опыт аксиологического комментария”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 2.2: 181–194.
- Аванесов, С.С. (2014), “«Лисид»: опыт аксиологического комментария”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8.2: 537–544.
- Алымова, Е.В. (2017), “Эсхин из Сфетта и традиция сократического диалога”, *Платоновские исследования* 7.2: 97–116.
- Алымова, Е.В. (2018), “Сократ как герой философской драмы”, *Международный журнал исследований культуры* 3.32: 18–24.
- Алымова, Е.В.; Караваева, С.В. (2016), “Лекция Платона «О Благе» в свете его писаного учения”, *Платоновские исследования* 5.2: 24–45.
- Алымова, Е.В.; Караваева С.В. (2019), “Сократические школы как актуальная проблема современного философского антиковедения”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 13.2: 670–682.
- Антонов, Т.В. (2010), “Скептический поворот в Академии”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 11.4: 58–60.
- Артемьева, Т.В. (1996), *История метафизики в России XVIII в.* СПб.: Алетейя.
- Афонасина, А.С.; Афонасин, Е.В. (2009), “Нумений из Апамеи. Фрагменты и свидетельства”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 3.1: 213–278.
- Афонасин, Е.В. (2010), “Ямвлих Халкидский. Письма: предисловие, перевод, комментарии, приложения, указатели”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 4.1: 166–193.
- Афонасин, Е.В. (2020), *Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА.
- Ахутин, А.В. (1998), “Чтение «Теэтета»”, in В.С. Библер (ред.), *АРХЭ. Труды культурологического семинара* 3, 113–197. М.: Издательство РГГУ.

- Ахутин, А.В. (2005), “Чтение «Теэтета»”, in Id., *Поворотные времена*, 218–294. СПб: Наука.
- Ахутин, А.В. (2007), *Античные начала философии*. СПб.: Наука.
- Берестов, И.В. (2014), “Эпистемологические основания «Аргумента третьего человека» в «Пармениде» Платона”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 15.3: 27–41.
- Берестов, И.В. (2016), “Холистические допущения у Протагора, Горгия и Платона”, in *Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. Материалы XXIV научной конференции*, 90–94. СПб: Издательство РХГА.
- Берестов, И.В.; Вольф, М.Н.; Доманов, О.А. (2019) *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск: Офсет ТМ.
- Бибихин, В.В. (2002), *Язык философии*. М.: Языки славянской культуры.
- Бибихин, В.В. (2009), “По поводу «Чтения „Теэтета»”, in Id., *Чтение философии*, 530–535. СПб.: Наука.
- Бирюков, Д.С. (2014), “Тема иерархии природного сущего у Григория Нисского, Дионисия Ареопагита и Григория Паламы и ее неоплатонические основания”, *Платоновские исследования* 1: 312–324.
- Бирюков, Д.С. (2016), “Линии проблематики универсалий у Григория Паламы”, *Платоновские исследования* 4.1: 170–184.
- Бородай, Т.Ю. (2008), *Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона*. М.: Изд. Савин С.А.
- Бугай, Д.В. (2016), *Единство платоновского «Государства»*. М.: Издатель Воробьев А.В.
- Бугай, Д.В., (2018), “О новом издании платоновского «Парменида»”, *Вопросы философии* 3: 99–117.
- Васильева, Т.В. (1977), “Неписаная философия Платона”, *Вопросы философии* 11: 127–132.
- Васильева, Т.В. (1979), “Беседа о логосе в платоновском «Теэтете» (201c–210d)”, in Ф.Х. Кессиди (ред.), *Платон и его эпоха*, 278–300. М.: Наука.
- Васильева, Т.В. (2008), *Поэтика античной философии*. М.: Трикста.
- Верлинский, А.Л. (2006), *Античные учения о возникновении языка*. СПб.: Издание Санкт-Петербургского ун-та.
- Волкова, Н.П. (2019), “Философское образование согласно Платону и Плотину”, *Нуротhekaі. Журнал по истории античной педагогической культуры* 3: 200–222.
- Волкова, Н.П. (2017), *Плотин о материи и зле*. М.: Институт философии РАН.

- Вольф, М.Н. (2020), “Гипотетический метод Платона: стоит ли возобновлять дискуссию?”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 14.1: 246–256.
- Вольф, М.Н.; Берестов, И.В. (2007), “Проблемный подход к истории древнегреческой философии”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 1.2: 203–246.
- Гагинский, А.М. (2014), “Бытие и Единое у Платона”, *Платоновские исследования* 1: 89–107.
- Гагинский, А.М. (2016), “О смысле бытия и значениях сущего: Историко-философские разыскания”, *Философский журнал* 3: 59–76.
- Гайденко, П.П. (1980), *Эволюция понятия наука*. М.: Наука.
- Гараджа, А.В., пер. (2017а), “Ж. Деррида. Фармация Платона”, *Платоновские исследования* 6.1: 113–254.
- Гараджа, А.В. (2017b), “Философы себе замусят государство (R. 540e)?”, *Платоновские исследования* 7.2: 71–83.
- Гараджа, А.В., пер. (2019а), “Аристоксен Тарентский о Сократе и Платоне”, *Платоновские исследования* 10.1: 197–208.
- Гараджа, А.В. (2019b), “Тройной «Ион»: о последних изданиях диалога”, *Платоновские исследования* 11.2: 74–82.
- Гараджа, А.В.; Протопопова, И.А. (2015), “Convivii trivvia: заметки по тексту платоновского «Пира»”, *Платоновские исследования* 2.1: 83–116.
- Глухов, А.А. (2011), «Платон и adynaton: алиби одной утопии», *Логос* 83.4: 101–120.
- Глухов, А.А. (2014), *Перехлест волны. Политическая логика Платона и постнищезанское преодоление платонизма*. М.: ИД НИУ ВШЭ.
- Глухов, А.А. (2017), *Платон. Федр*. СПб.: Издательство РХГА.
- Гончарко, О.Ю.; Черноглазов, Д.А. (2016), “«Ксенедем» Феодора Продрома: возрождение платоновского диалога в Византии XII века”, in *Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. Материалы XXIV научной конференции*, 413–422. СПб.: Издательство РХГА.
- Гончаров, И.А. (2016), “Антиномии социализма и социализм Платона”, in *Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. Материалы XXIV научной конференции*, 61–70. СПб.: Издательство РХГА.
- Гринцер, Н.П. (1998), “Языковое учение Платона в контексте идей Витгенштейна”, *Вопросы философии* 5: 95–105.
- Грот, Н.Я. (1896), *Очерк философии Платона*. М.: Посредник.
- Гурьянов, И.Г., пер. (2015), “М. Фичино. О жизни 1–7”, *Платоновские исследования* 3.2: 147–197.
- Гурьянов, И.Г. (2019а), “Античные и средневековые теории сперматогенеза в философии Марсилио Фичино”, *Платоновские исследования* 10.1: 134–157.

- Гурьянов, И.Г. (2019b), “Пространственный аспект метафизики платонизма и «величие духа» в философии Фичино”, *Платоновские исследования* 11.2: 245–275.
- Гусейнов, Г.Ч. (1981), *Драматургический метод Платона (лекции для студентов театроведческих и режиссерских факультетов театральных вузов)*. М.: ГИТИС.
- Гуторов, В.А. (1989), *Античная социальная утопия*. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Гуторов, В.А. (2020), “Чего не делать». Интеллектуальная политика и античная традиция”, *Политекс* 16.1: 139–159.
- Демин, Р.Н. (1997), “Девятиэлементная матрица у Платона, Ксенократа и в текстах древнекитайской культуры”, *АКАДНМЕІА: материалы и исследования по истории платонизма* 1: 117–120.
- Демин, Р.Н. (2011), “Эмбрион как гносеологический субъект: «Гарбхупанишада», «Федон» и философская мысль Древнего Китая”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 12.4: 149–153.
- Демин, Р.Н. (2020), “Сократ как циник: к интерпретации Константина Сотонина”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 21.1: 38–47.
- Жебелев, С.А., ред. (1923–1929), *Творения Платона. Полное собрание творений Платона в 15 томах. Новый перевод под редакцией С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, Э.Л. Радлова*. Пг.-Л.: Academia.
- Зеннхаузер, В. (2015), *Платон и математика*. СПб.: Издательство РХГА.
- Золотухина, А.И. (2013), “Место Критона в Платоновском корпусе: некоторые замечания”, in И.А. Протопопова et al. (ред.), *Платоновский сборник* 1.141–159. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Иванов, Вяч. Вс. (2012), “Архаизм и новаторство в практике первых русских переводов Платона”, *Логос* 90.6: 24–57.
- Ионайтис, О.Б. (2003), *Традиции византийского неоплатонизма в русской средневековой философии*. Диссертация на соискание степени доктора философских наук. Екатеринбург.
- Караваева, С.В. (2020), “Слово и дело в «Меморабилиях» Ксенофонта”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 21.2: 218–228.
- Катречко, С.Л. (2014), “Платоновская «тяжба о бытии»: платоновская предикатная онтология (свойств)”, *Платоновские исследования* 1: 108–121.
- Кессиди, Ф.Х., ред. (1979a), *Платон и его эпоха*. М.: Наука.
- Кессиди, Ф.Х. (1979b), “Изучение философии Платона в СССР”, in Id. (ред.), *Платон и его эпоха*, 238–268. М.: Наука.

- Курдыбайло, Д.С. (2013), “Космогония Плотина и учение о сперматических логосах”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14.3: 207–215.
- Курдыбайло, Д.С. (2015), “От игры к мистерии: об интерпретации этимологий в диалоге Платона «Кратил»”, *Платоновские исследования* 3.2: 92–116.
- Курдыбайло, Д.С.; Курдыбайло, И.П. (2015), “О переосмыслении мифа о колеснице души из «Федра» Платона в «Похвальном Слове Константину» Евсевия Кесарийского”, *Соловьёвские исследования* 47.3: 49–66.
- Курдыбайло, Д.С., Курдыбайло, И.П. (2018), “Онтология имени и именованья в комментарии Прокла на «Кратил» Платона”, *Платоновские исследования* 8.1: 86–124.
- Ламакина, О.Ю. (2004), *Платонизм в древнерусской религиозно-философской мысли*. Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. СПб.
- Литвин, Т.В. (2016), “Проблема длительности и язык описания времени Плотина”, in *Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. Материалы xxiv научной конференции*, 344–352. СПб.: Издательство РХГА.
- Лосев, А.Ф. (1990), *Из ранних произведений*. Сост. И.И. Маханькова; отв. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Правда.
- Лосев, А.Ф. (1991), *Философия. Мифология. Культура*. Сост. Ю.А. Ростовцева. М.: Издательство политической литературы.
- Лосев, А.Ф. (1993а), *Бытие. Имя. Космос*. М.: Мысль.
- Лосев, А.Ф. (1993б), *Очерки античного символизма и мифологии*. Сост. А.А. Тахо-Годи; ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль.
- Лосев, А.Ф. (1994), *Миф. Число. Сущность*. М.: Мысль.
- Лосев, А.Ф.; Асмус В.Ф., ред. (1968–1972), *Платон. Сочинения в 3 томах*. М.: Мысль.
- Маковецкий, Е.А. (2018), “Экфрасис тела в ранневизантийских платоновских диалогах”, in *Универсум Платоновской мысли. Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии. Сборник материалов xxvi научной конференции*, 259–267. СПб.: Издательство РХГА.
- Маяцкий, М.А. (2012), *Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет*. М.: ИД НИУ-ВШЭ.
- Месяц, С.В. (2010), “Учение Платона об идеях-числах”, in А.В. Серёгин

- (ред.), *Космос и Душа: Учение о природе и мышлении в античности, средние века и новое время* 2, 29–82. М.: Прогресс-Традиция.
- Месяц, С.В. (2011), “Платоновская концепция дискурсивного знания”, *Философский журнал* 6.1: 20–30.
- Месяц, С.В. (2013), “Платоновский Филеб о едином, многом и среднем: комментарий к фрагменту 14c–18d”, in В.В. Петров (ред.), ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. *Исследования по истории платонизма*, 77–95. М.: Кругъ.
- Месяц, С.В. (2014), “Открытие Прокла”, *Платоновские исследования* 1: 256–282.
- Мильков, В.В. (2002), “Ареопагитики: древнерусская традиция бытования”, in А.И. Макаров, В.В. Мильков, А.А. Смирнова (ред.), *Древнерусские Ареопагитики*, 9–34. М.: Кругъ.
- Мирошниченко, Е.И. (2013), *Очерки по истории раннего платонизма в России*. СПб.: Алетейя.
- Михайловский, А.; Романов, А. (2010), “Проблемы перевода смыслов в статье М. Хайдеггера «Учение Платона об истине»”, *Seminarium Hortus Humanitatis* 23: 10–21. Рига: Изд. Гуманитарного семинара Seminarium Hortus Humanitatis.
- Михайловский, А.В. (2013), “Философия как эзотерическое знание: к интерпретации притчи о пещере у Мартина Хайдеггера”, in И.А. Протопопова et al. (ред.), *Платоновский сборник* 2.410–437. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Мочалова, И.Н. (2000), “Метафизика ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля”, *AKADHMEDIA. Материалы и исследования по истории платонизма* 3: 226–348. СПб.: Издательство СПбГУ.
- Мочалова, И.Н. (2014a), “Учение Платона об идеях в контексте раннеакадемических дискуссий”, in И.А. Протопопова et al. (ред.), *Платоновский сборник* 1.207–230. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Мочалова, И.Н. (2014b), “О двух онтологических моделях в диалоге Платона «Тимей»”, *Платоновские исследования* 1: 55–79.
- Мочалова, И.Н. (2016), “Неписаная философия Платона как проблема современного платоноведения”, *Платоновские исследования* 5: 104–119.
- Мочалова, И.Н. (2019a), “Антисфен как наследник Сократа: к вопросу о сократической пайдейе”, *Платоновские исследования* 11.2: 117–136.
- Мочалова, И.Н. (2019b), “Формирование отечественной историко-философской традиции. Феномен Сократа”, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология* 35.1: 56–69.

- Мочалова, И.Н. (2020), “Философия Сократа: формирование и трансформация советского канона”, *Платоновские исследования* 12.1: 141–158.
- Муравьев, А.Н. (2013), “Диалоги Платона как введение в изучение классической философии”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14.3: 261–266.
- Незеркотт, Ф. (2011), “Восприятие Платона в Советской России (1920–1960 гг.)”, *Логос* 83.4: 158–169.
- Никоненко, С.В. (2019), “К вопросу о платонизме в теории логического языка ранней аналитической философии”, *Платоновские исследования* 11.2: 276–296.
- Петров, В.В., ред. (2013), ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ *Исследования по истории платонизма*. М.: Аквилон.
- Петров, В.В. (2014), “Вторая речь Сократа из Федра Платона как фон для литургической метафизики *Ареопагитского корпуса*”, *Платоновские исследования* 1: 296–311.
- Петров, В.В. (2016), “Философский дискурс как гимнословие в позднем платонизме и «Ареопагитском корпусе»”, *Платоновские исследования* 4.1: 76–97.
- Плешков, А.А. (2019), “Другая вечность: мгновенность материи у Платона”, *Платоновские исследования* 11.2: 11–41.
- Пресс, Дж. (2013а), “Постановка вопроса в платоноведении” (пер. А. Гараджи), in И.А. Протопопова et al. (ред.), *Платоновский сборник* 1.8–47. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Пресс, Дж. (2013b), “Постановка вопроса в платоноведении: 15 лет спустя” (пер. А. Гараджи) in И.А. Протопопова et al. (ред.), *Платоновский сборник* 1.48–74. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Прокопенко, В.В. (2019), “Истоки платоновской педагогики: введение в исследование диалогов малого Платона”, *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Философия и конфликтология* 35.3: 497–506.
- Прокопенко, В.В. (2013), “Нарратологический поворот и становление драматической парадигмы в платоноведении”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14.3: 28–33.
- Прокопенко, В.В. (2012), *Философская пайдейя и Платоновский вопрос*. Харьков: Монограф.
- Протопопова, И.А. (2011), “Государство» Платона – идеальный мимесис?”, *Логос* 83.4: 88–100.
- Протопопова, И.А. (2012а), “Платон: новое начало”, *Логос* 90.6: 3–4.
- Протопопова, И.А. (2012b), “Прыгающий лебедь: о драматическом подходе к диалогам Платона”, *Логос* 90.6: 85–100.

- Протопопова, И.А. (2013), “Сократ и тень: к драматической интерпретации диалога «Софист»”, in Id. et al. (ред.), *Платоновский сборник* 1.367–404. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Протопопова, И.А. (2014), “«Умопостигаемый атом» Платона”, *Вопросы философии* 8: 138–144.
- Протопопова, И.А. (2015), “‘Υβρις как инверсия «объекта» и «метода» в «Пире» Платона”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.2: 373–379.
- Протопопова, И.А. (2018a), “«Долгий путь» «Государства» и его метаморфозы: φύσις, λόγος, ἐπιθυμία”, *Платоновские исследования* 8.1: 57–72.
- Протопопова, И.А. (2018b), “Единство платоновского «Государства»: два типа эйдосов”, in *Историко-философский ежегодник 2018*: 38–51. М.: Аквилон.
- Протопопова, И.А. (2019a), “Сократический вопрос: старые проблемы и новые тенденции”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 13.1: 330–338.
- Протопопова, И.А., (2019b), *Платон. «Софист»*. Исследование, перевод с древнегреческого, комментарии и примечания. СПб.: ПФО; Издательство РХГА.
- Рахманин, А.Ю. (2019), “Фигуры Сократа и призраки Платона в философии обыденного языка после Витгенштейна”, *Платоновские исследования* 11.2: 153–174.
- Родин, К.А. (2017), “Витгенштейн и Платон: вопрос о диалоге”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.1: 194–202.
- Россиус, А.А. (2013), “Русский текст Платона: современное состояние”, in И.А. Протопопова et al. (ред.), *Платоновский сборник* 1.104–116. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Светлов, Р.В. (2001), “Русский Платон русской культуре”, in *Платон. Pro et contra*, 8–18. СПб: Издательство РХГА.
- Светлов, Р.В. (2012), “Сократ в спартанском камуфляже”, *Логос* 90.6: 16–28.
- Светлов, Р.В. (2015), “Сократ в пространстве античного воображения”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9.1: 169–184.
- Светлов, Р.В. (2019), *Платон. Политик*. Перевод, исследование, комментарии. СПб: ПФО-РХГА.
- Светлов, Р.В. (2020), “Математическая шутка из «Политика» и пределы рациональности в философии Платона”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 14.2: 665–673.
- Светлов, Р.В.; Алымова, Е.В., ред. (2019) *Сократические школы как явление античной философии и культуры*. СПб.: Издательство РХГА.
- Серёгин, А.В. (2014a), “Подходы к интерпретации Платона: догматизм,

- антидогматизм и диалогизм”, in И.А. Протопопова et al. (ред.), *Платоновский сборник* 1.75–91. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Серёгин, А.В. (2014b), “Перфекционистская концепция блага в платоновской этике”, *Платоновские исследования* 1: 146–162.
- Серёгин, А.В. (2016), “Неморальное благо и зло в этике Платона”, *Платоновские исследования* 4.1: 38–63.
- Серёгин, А.В. (2019), “Платон об исправительной функции наказания”, *Платоновские исследования* 10.1: 89–106.
- Сережников, В.К. (1936), “Предисловие”, in *Платон. Тезет.* М.: СОЦЭК-ГИЗ.
- Слезак, Т. (2008), *Как читать Платона?* Пер. М. Буланенко. СПб.: Издательство СПбГУ.
- Сидаш, Т.Г., ред. (2020). *Ямвлих. Собрание творений в четырех томах.* Том 3: *Пифагорейское предание.* СПб.: Quadrivium.
- Тантлевский, И.Р. (2019a), “Учение Аристотеля о разумной части души в контексте «сотериологии» Платона”, *Платоновские исследования* 11.2: 187–217.
- Тантлевский, И.Р. (2019b), “Концепция вселенной как божественного «отпечатка» в «Тимее» Платона и в учениях средневековых еврейских мыслителей”, *Платоновские исследования* 10.1: 158–171.
- Тихеев, Ю.Б. (2011), “Платон в среде московских любомудров”, *Логос* 83.4: 131–139.
- Тихолаз, А.Г. (2003), *Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX веков.* Киев: ВиРА «Инсайт».
- Тихонов, А.В. (2015), “Восприятие базовых идей Платона: оценка «самости» в XX веке”, in *Южный Полюс. Исследования по истории современной западной философии* 1: 32–46.
- Тихонов, А.В. (2013), “Поливариантность понимания учения Платона в философии”, *Дискуссия* 31.1: 31–36.
- Федоров, Н.А.; Сокольская, М.М., пер. (2004), *Марк Туллий Цицерон. Учение академиков.* М.: Индрик.
- Шахматов, М.В. (1930), “Платон в Древней Руси”, in *Записки русского исторического общества в Праге* 2: 67–68.
- Шейнман-Топшштейн, С.Я. (1978), *Платон и ведийская философия.* М.: Наука.
- Шичалин, Ю.А. (1989), “Два варианта платоновского «Федра»”, in Ид. (ред.) *Платон. Федр, viii–lxxiii.* М.: Прогресс.
- Шичалин, Ю.А. (2000), *История античного платонизма в институциональном аспекте.* М.: Греко-латинский кабинет.

- Шичалин, Ю.А. (2015), “Платон и Corpus platonicum: константы новой парадигмы”, *Вопросы философии* 8: 112–123.
- Шичалин, Ю.А. (2018), *Platonica I*. М.: Греко-латинский кабинет.
- Шичалин, Ю.А., пер. (2017), *Платон. Парменид*. СПб: ПФО; РХГА.
- Шкуро, С. (2015), “К вопросу о платонизме русской религиозной мысли”, *Христианское чтение* 3: 125–143.
- Шетников, А.И. (2007), “Сочинения Платона и Аристотеля как свидетельства о становлении системы математических определений и аксиом”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 1.2.: 172–194.
- Alieva, O. (2013), “Protreptic in the Socratics: In Search of a Genre”, in F. de Luise & A. Stavru (eds.), *Socratica III: Studies on Socrates, the Socratics, and the Ancient Socratic Literature*, 128–139. Sankt Augustin: Academia Verlag.
- Alieva, O. (2016), “Ἐρωσ προτρέπων: Philosophy and Seduction in the Symposium”, in M. Tulli and M. Erler (eds.), *Plato in Symposium. Selected Papers from the Tenth Symposium Platonicum*, 132–139. Sankt Augustin: Academia Verlag.
- Alieva, O. (2018), “Shichalin Y. Protreptic and Epideixis: Corpus Platonicum”, in O. Alieva, A. Kotzé, S. Van der Meeren (eds.), *When Wisdom Calls: Philosophical Protreptic in Antiquity*, 89–110. Turnhout: Brepols Publishers.
- Garadja, A., tr. (2017a), “J. Derrida. *Plato’s Pharmacy*”, *Platonic Investigations* 6.1: 113–254. (In Russian.)
- Garadja, A. (2017b), “Philosophers to Rig Their Own Polis (*R. 540e*)?”, *Platonic Investigations* 7.2: 71–83. (In Russian.)
- Garadja, A., tr. (2019a), “Aristoxenus of Tarentum on Socrates and Plato”, *Platonic Investigations* 10.1: 197–208. (In Russian.)
- Garadja, A. (2019b), “Triple *Ion*: On Recent Editions of the Dialogue”, *Platonic Investigations* 11.2: 74–82. (In Russian.)
- Garadja, A.; Protopopova, I. (2015), “Convivii trivia: Notes on the Text of Plato’s *Symposium*”, *Platonic Investigations* 2.1: 83–116. (In Russian.)
- Gloukhov, A. (2019), “Reversal concept of truth in Plato”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 13.2: 513–536.
- Protopopova, I. (2011), “Plato’s *Republic* — An Ideal Mimesis?”, *Logos* 83.4: 88–100. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2012a), “Plato: A New Beginning”, *Logos* 90.6: 3–4. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2012b), “The Jumping Swan: On the Dramatic Approach to Plato’s Dialogues”, *Logos* 90.6: 85–100. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2013), “Socrates and Shadow (To the Dramatic Interpretation

- of the *Sophist*”, in Id. et al. (eds.), *Plato Collection* 1.367–404. Moscow; Saint Petersburg: RSUH; RCAH. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2014), “Plato’s ‘Intelligible Atom’”, *Voprosy filosofii* 8: 138–144. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2015), “*Hybris* as Inversion of ‘Object’ and ‘Method’ in Plato’s *Symposium*”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.2: 373–379. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2018a), “The ‘Long Way’ of the *Republic* and Its Metamorphoses: *physis, logos, epithymia*”, *Platonic Investigations* 8.1: 57–72. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2018b), “The Unity of Plato’s *Republic*: Two Types of Eidos”, in *Historico-Philosophical Yearbook 2018*: 38–51. Moscow: Aquilo. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2019a), “The Socratic Question: Old Problems and New Trends”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 13.1: 330–338. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2019b), *Plato. Sophistes. A Study, Translation, Commentaries, and Notes*. Saint Petersburg: PPS; RCUH. (In Russian.)
- Thesleff, H. (1982), *Studies in Platonic Chronology*. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.